

КТО СОРВАЛ БЛИЦКРИГ?

Олег Назаров,

доктор исторических наук, обозреватель журнала «Историк»

• **Великая Отечественная • начало войны • 1941 год**
 • **героизм • историческая правда • фальсификации истории**

22 июня 1941 года нацистская Германия напала на Советский Союз. Гитлер намеревался разгромить СССР в считанные месяцы, однако его планам не суждено было сбыться. В первую очередь благодаря героизму наших солдат и офицеров... Вопреки расхожим в последние годы мифам, гитлеровцы встретили в Советском Союзе ожесточенное сопротивление, на которое не рассчитывали.

Один из мифов, который с перестроечных времен настойчиво тиражируют фальсификаторы нашей истории, состоит в том, что в начале Великой Отечественной войны чуть ли не все советские солдаты и офицеры, бросив оружие, либо бежали с поля боя, либо сдавались врагу, не желая защищать «прогнивший сталинский режим». Но сторонники «концепции бегства красноармейцев» забывают ответить на простые, казалось бы, вопросы. Если все бежали, то почему Германии не удалось осуществить план «Барбаросса»? Почему СССР не был разгромлен? И кто тогда сорвал фашистский блицкриг?

Паника в начале войны действительно возникла, хватало проблем и в управлении войсками. Так, 22 июня командующий Западным фронтом генерал армии Дмитрий Павлов констатировал: «Опыт первого дня войны показывает неорганизованность и беспечность многих командиров, в том числе больших начальников. Думать об обеспечении

горючим, снарядами, патронами начинают только в то время, когда патроны уже на исходе, тогда как огромная масса машин занята эвакуацией семей начальствующего состава, которых к тому же сопровождают красноармейцы, то есть люди боевого расчета. Раненых с поля боя не эвакуируют, отдых бойцам и командирам не организуют, при отходе скот, продовольствие оставляют врагу».

Впрочем, не на высоте оказался и сам командующий фронтом. Располагая примерно равными с противником силами и средствами (а по танкам даже превосходя его), Павлов не смог отразить удар. Его войска были разбиты, а наши потери в Белорусской стратегической оборонительной операции, продолжавшейся с 22 июня по 9 июля 1941 года, составили 417 729 военнослужащих из 625 000 участвовавших в боях. Среднесуточные потери личного состава в те дни — самые большие за всю войну, страшная цифра — более 23 000 человек.

Но было не только это.

Небесный бой

Несмотря на то что вражеская авиация и артиллерия в первые дни войны уничтожила

тысячи советских самолетов, среди наших летчиков нашлись те, кто сумел дать достойный отпор врагу. Некоторые из них упомянуты в донесении начальника управления политпропаганды Северо-Западного фронта бригадного комиссара Карпа Рябчего от 5 июля 1941 г.:

«Большинство летного состава в борьбе с противником проявляет мужество и отвагу.

Заместитель командира 15-го иап [истребительный авиационный полк. — О. Н.] капитан Добженко в первый день войны совершил восемь боевых вылетов. В последний вылет он бесстрашно вступил в бой с группой вражеских самолетов. Отважно и умело сражаясь с врагом, Добженко сбил два самолета противника. Затем в неравной борьбе героически погиб.

Звено самолетов 61-го иап под командой старшего лейтенанта Андрейченко вступило в бой с девятью вражескими самолетами. Летчик этого звена старший лейтенант Камышенко попал в тяжелое положение. На него наседали несколько самолетов противника. К нему на помощь поспешил Андрейченко и сбил один вражеский самолет, чем выручил товарища. Не удовлетворившись этим, Андрейченко упорно вел атаки на врага. После длительного боя отважно погиб в неравной борьбе.

В 15-м иап старший лейтенант Дмитриев, героически борясь с врагом, сбил три бомбардировщика противника, лейтенант Шульц — два бомбардировщика и сам героически погиб.

Летным составом 15-го иап с 22.6 по 1.7 в воздушных боях сбито 13 вражеских самолетов. Подобные примеры имеются и в других частях».

До сих пор неясно, кто первым из советских летчиков ранним утром 22 июня совершил воздушный таран. Всего таких героев в первый день войны было более 20, а воевали они далеко друг от друга. Со слов очевидцев известно, что наручные часы командира авиазвена 46-го истребительного авиационного полка старшего лейтенанта Ивана Иванова замерли на отметке 4 часа 25 минут, когда его машина, протаранив «Хейнкель-111», упала на землю. Из-за малой высоты Иванов не смог воспользоваться парашютом.

В начале пятого утра свой подвиг совершил и младший лейтенант Дмитрий Кокорев. Когда боеприпасы закончились, он рубанул винтом самолет противника в районе хвостового оперения. В отличие от разбившегося немца, наш летчик сумел посадить поврежденную машину. В расположение авиаполка он вернулся пешком.

Уцелел и лейтенант Петр Рябцев. В небе над Брестом он протаранил Me-109, после чего благополучно приземлился на парашюте. Почти все остальные герои-летчики погибли. В их числе — старший лейтенант Петр Кузьмин, который повел свой самолет на таран «мессершмитта» неподалеку от Гродно.

Сведения о том, как сражались наши летчики в начале войны, есть в воспоминаниях фронтовиков. Маршал Советского Союза Иван Баграмян, встретивший войну в должности начальника оперативного отдела штаба Киевского особого военного округа, писал: «Командир эскадрильи 86-го бомбардировочного полка капитан С.П. Жуков в единоборстве с тремя фашистскими истребителями сбил один из них, но и сам был подбит. Он выбросился с парашютом, с трудом добрался до своего аэродрома и, едва ему успели перебинтовать раны, снова вылетел на боевое задание».

Немцев потрясла решимость, с которой советские летчики шли на тараны. Генерал люфтваффе Вальтер Швабедиссен, признав, что они «игнорировали чувство самосохранения», резюмировал: «Русские ВВС своей упорной решительностью и гигантскими жертвами (вспомним их тараны!) смогли предотвратить свое полное уничтожение и заложить предпосылки своего будущего возрождения».

В боях под Перемышлем...

В то время как летчики совершали подвиги в небе, на земле первыми отпор врагу дали пограничники и бойцы приграничных укрепленных районов. На помощь им пришли отдельные стрелковые роты и батальоны войск оперативного прикрытия, располагавшиеся в 3–5 км от государственной границы.

Отрадно, что о защитниках Брестской крепости написаны книги и сняты фильмы. Но были и другие высочайшие проявления героизма, о которых, увы, мало кто знает.

Вот, например, Перемышль (ныне польский город Пшемысль). Он известен исключительно тем, что век назад, 22 марта 1915 года, после 194 дней осады был взят армией императорской России, а затем в крепости, которую называли ключом к Западной Галиции, побывал Николай II. Однако этот небольшой городок прославился и во время Великой Отечественной. Авторы 12-томного исследования «Великая Отечественная война 1941–1945 годов» июньскому сражению 1941 г. за Перемышль уделили всего несколько строк: «В 26-й армии генерала Ф.Я. Костенко высокую активность проявляла 99-я стрелковая дивизия, оборонявшая Перемышль. Город трижды переходил из рук в руки. Вместе с воинами дивизии мужественно сражались пограничники 14-й заставы лейтенанта А.Н. Патарыкина, сводного батальона под командованием старшего лейтенанта Г.С. Поливоды, а также отряд из 187 местных жителей».

После Первой мировой войны Перемышль достался Польше, а в 1939 году по нему, а точнее по реке Сан, пересекающей город, прошла государственная граница СССР. На восточном берегу находился советский Перемышль, на западном — Премзель, принадлежавший генерал-губернаторству (так немцы официально именовали оккупированную Польшу).

Упомянутая 14-я застава входила в состав 92-го Перемышльского погранотряда. Пограничники были вооружены винтовками, гранатами, станковыми и ручными пулеметами. Мосты через Сан охраняли подразделения 66-го полка 10-й дивизии войск НКВД.

Ранним утром 22 июня немецкая артиллерия открыла огонь по Перемышлю. Под его прикрытием части 17-й армии генерала Карла фон Штюльпнагеля пошли в наступление. Перед ними стояла задача захватить мосты через Сан «в неповрежденном виде». Бывший тогда начальником Перемышльской погранзаставы Александр Патарыкин вспоминал: «Основные силы они сосредоточили у железнодорожного моста. Туда направлен с

пятью пограничниками мой заместитель лейтенант Петр Нечаев. Ему помогли командир отделения Ржевцев с пограничниками Водопьяновым и Ткачевым и старшина Привезенцев с группой бойцов. <...> Восемь атак до полудня предприняли гитлеровцы и каждый раз откатывались с большими потерями. Потерпев неудачу в лобовых атаках, фашистское командование бросило в обход группы Нечаева несколько отрядов автоматчиков на резиновых лодках и одновременно предприняло новые атаки на мост. Противнику удалось форсировать Сан. К этому времени на мосту был жив только лейтенант Нечаев». Он подпустил врага на близкое расстояние и взорвал последние гранаты. Ценой собственной жизни Нечаев отбил очередную атаку захватчиков.

Перемышль стал первым городом, который гитлеровцы, едва взяв, вынуждены были оставить. Вернув контроль над ним, советские войска успешно держали оборону с 23 по 27 июня 1941 года.

Севернее и южнее Перемышля героически сражались другие заставы 92-го погранотряда и гарнизоны огневых точек укрепленного района. Первым огонь по противнику из 76-миллиметровой пушки открыл гарнизон дота, которым командовал младший лейтенант П.И. Чаплин. Он расстрелял товарный поезд на противоположном берегу Сана, уничтожил склад горючего и отразил несколько попыток врага переправиться через реку. В воспоминаниях маршал Иван Баграмян от-

мечал: «На дот, в котором сражался гарнизон младшего лейтенанта Чаплина, фашисты обрушили сотни бетонобойных снарядов. Бойцы оглохли от грохота. Почти все были изранены осколками бетона, отлетавшими от стен. Дым и пыль не давали дышать. Иногда дот надолго замолкал. Но стоило гитлеровцам подняться в атаку, маленькая крепость оживала и косила врага метким огнем. Фашистам удалось захватить железнодорожный мост через реку Сан. Но воспользоваться им они не могли: мост находился под прицелом пулеметов советского дота. И так продолжалось целую неделю, пока у храбрецов не кончились боеприпасы. Только тогда фашистским саперам удалось подтащить к доту взрывчатку. Лейтенант Чаплин и его подчиненные погибли, так и не покинув своего поста».

Первый освобожденный город

Но главные события развернулись в самом Перемышле. 22 июня в 19 часов командир 99-й стрелковой дивизии полковник Николай Дементьев отдал приказ выбить противника из города. Это сделал именно Дементьев, а не генерал Андрей Власов, как уверял в «Архипелаге ГУЛАГ» Александр Солженицын. Власов командовал дивизией лишь до января 1941 года. Перегруппировавшись, утром 23 июня советские войска при поддержке отряда народного ополчения, собранного секретарем Перемышльского горкома ВКП(б) Петром Орленко, атаковали немцев и к вечеру выбили их за реку. Перемышль стал первым городом, который гитлеровцы вынуждены были оставить. Более того, батальон старшего лейтенанта Григория Поливоды ворвался в Премзель. Благодаря Совинформбюро об освобождении Перемышля узнала вся страна. Этот контрудар был воспринят как предвестник будущих побед.

С утра 24 июня бои в районе Перемышля разгорелись с новой силой. Попытки захватить город раз за разом терпели неудачу, и гитлеровцы решили использовать обходной маневр, начав яростное наступление у села Медыка. Возникла угроза окружения всего района, который обороняла 99-я дивизия. Чтобы сорвать планы противника, Николай Дементьев срочно ввел в бой на этом направ-

лении свой резерв — роту пограничников под командованием старшего лейтенанта Перепелкина. Три дня здесь прочно удерживались позиции. В сражениях у Медыки комдив был тяжело ранен. Его сменил полковник Павел Опякин.

Советские войска не сдавали Перемышль до вечера 27 июня. Это позволило провести эвакуацию и осуществить развертывание передовых частей 8-го стрелкового корпуса. Только угроза окружения вынудила командование фронта отдать приказ об отходе. Перед отступлением наши бойцы взорвали мост. В течение следующих трех дней 92-й Перемышльский погранотряд участвовал в боях в районе Великого Любена и села Комарно. 29 июня смертью храбрых пал герой перемышльского контрудара старший лейтенант Григорий Поливода.

На вражескую территорию в первые дни войны прорывались и другие части Красной армии. Так, 26 июня при поддержке артиллерии 51-й дивизии пограничники, бойцы 23-го стрелкового полка и моряки переправились на румынский берег Дуная и с боем овладели городом Килией-Веке. «Это был важный опорный пункт противника, из которого обстреливались все баржи с грузами, ходившие из Одессы к Измаилу и обратно. Сначала десантники захватили плацдарм глубиной до 3 км и шириной до 4 км, разгромив пехотный батальон, усиленный артиллерией и пулеметами, и погранзаставу. Всего в Килии-Веке были захвачены 600 пленных, 14 орудий, свыше 50 винтовок, несколько пулеметов...» — пишет историк Татьяна Малутина.

1 июля противник пришел в себя и начал наступление. Кровавопролитные бои продолжались несколько дней. Итог противостояния отражен в записке, найденной в 1958 на бывшем плацдарме: «Июль 1941 г. Держались до последней капли крови. Группа Савинова. Три дня сдерживали наступление значительных сил противника, но в результате ожесточенных боев под Килией в группе капитана Савинова осталось три человека: капитан, я — младший сержант Остапов и солдат Омельков. Погибнем, но не сдадимся. Кровь за кровь, смерть за смерть!»

Рукопашный бой под Новозыбковым

Враг не дал времени для адаптации к суровым реалиям. В июле 1941 г. под городом Новозыбковым Брянской области вступили в свой первый бой 90 едва успевших принять присягу новобранцев. Они были вооружены гранатами и бутылками с горючей смесью. На всю роту имелось 22 винтовки: одна на четверых! Бойцами командовал Петр Черкасов, проучившийся в военном училище всего полтора года и лишь 5 мая 1941-го получивший звание младшего лейтенанта. Поднять в атаку необстрелянных красноармейцев молодому командиру удалось с третьего раза, чередуя мат с криками: «За Родину! За Сталина!»

Черкасов оставил воспоминания, которые позволяют зримо представить картину боевого крещения новобранцев: «В эту первую (и последнюю) в моей жизни рукопашную мне пришлось померяться силами с немецким офицером. Он бежал в первой шеренге и стрелял из автомата. Когда мы с ним сблизись, у него закончились патроны. Отбросив автомат, он выхватил из кобуры пистолет. У меня в винтовке патронов тоже не осталось... Я бросился на него, выбил из рук пистолет, и мы повалились на землю... Только теперь я вспомнил о своем пистолете. Пока хрипящий офицер пытался удушить меня своими жилистыми руками, я сумел вынуть пистолет из кобуры, снять предохранитель и несколько раз выстрелить. Немец сразу же обмяк, и я не без труда выбрался из-под него.

Теперь я смог наконец увидеть, что происходит вокруг. Шла отчаянная, но молчаливая и какая-то сосредоточенная драка. Красноармейцы бились кто чем — штыком, ножом, прикладом, голыми руками... Кое-кому удалось даже бросать гранаты в направлении приближающейся к нам второй цепочки немцев, заставляя их падать на землю. Это давало нам спасительное время для того, чтобы управиться с первой шеренгой автоматчиков. Среди мелькавших фигур я увидел политрука. Винтовку он потерял, но в драке не уступал красноармейцам. Сколько времени продолжалась схватка, я не помню. Думаю, несколько минут, но в сознании они растянулись на час,

не меньше. В какой-то момент, словно по команде, немцы бросились бежать...

В бою мы потеряли девять красноармейцев. Раненых осталось 11 человек. Мы их сразу же отправили в медпункт, где первую помощь им оказал наш военврач Горелик. Фашисты оставили на поле боя 15 трупов и 20 раненых. Последних мы тоже отправили к Горелику».

И один в поле воин

17 июля у деревни Сокольничи под Кричевом Могилевской области 20-летний старший сержант Николай Сиротинин опроверг пословицу, что один в поле не воин. Оставшись у артиллерийского орудия, он в одиночку, прикрывая отход нашей пехоты через реку Сож, стал обстреливать вражескую колонну танков и грузовиков с солдатами. Чтобы закупорить проезд по дороге, Сиротинин метко стрелял по машинам в голове и хвосте колонны — до тех пор, пока не кончились снаряды. Жизнь русского артиллериста оборвал осколок мины. Найдя у искореженной пушки единственный труп, немцы были так потрясены, что на время забыли постулаты расовой теории. Они торжественно предали тело героя земле, дав троекратный ружейный салют, и только затем похоронили своих — 57 солдат и офицеров, уничтоженных Сиротининым.

В одиночку и до последнего снаряда или патрона сражались многие красноармейцы. 30 апреля 2015 г. «Новые известия» опубликовали фрагмент из воспоминаний Елены Яковлевны Безручко, встретившей войну 15-летней девочкой в селе Семеновке Черниговской области:

«Хорошо помню бой у нашего дома на окраине села. Возле нас неожиданно появились советские солдаты — молодые парни, красавцы, вооруженные с ног до головы. Самый отважный из них, лейтенант с двумя пистолетами в руках, спрашивает: «Где немцы?» Мы показали, и все побежали за ними. А по полю уже мчатся немецкие мотоциклы. Меня и сестренку Марийку завернула к себе в каменный погреб наша тетя Галя. А брат Ваня побежал вслед за солдатами. Когда прекратилась стрельба, мы вышли на улицу. Никогда

не видела, чтобы Ваня плакал. А тут он не плакал, а рыдал. «Мы им отомстим», — повторял и повторял он. Позже брат рассказал, как лейтенант строчил из пулемета с крыши дома, а когда был ранен (ему оторвало руку), продолжал строчить... Пока не умер. Это был настоящий герой. Люди похоронили его на обочине дороги напротив нашей улицы, а мы носили на его могилку цветы.

Ваня сдержал свое слово, уйдя вместе со своими друзьями Сашей Мариничем и Михаилом Эдотой в партизаны».

23 июня на Северо-Западном фронте танкисты 28-й дивизии полковника (будущего генерала армии) Ивана Черняховского не только отразили атаку противника, уничтожив несколько десятков танков и орудий, но и заставили гитлеровцев отступить.

28 июня попытку отбить захваченный немцами Даугавпилс предпринял 21-й механизированный корпус Дмитрия Лелюшенко. Потом Дмитрий Данилович вспоминал: «Бой принял ожесточенный характер. Кварталы города и даже отдельные дома неоднократно переходили из рук в руки. Наши танкисты расстреливали врага в упор, давили гусеницами и броней, применяли таранные удары. Особенно отличился 91-й танковый полк полковника Ивана Прохоровича Ермакова.

Автоматчик Иван Павлович Середа из полка Ермакова в одном из боев оказался рядом с неприятельским танком, остановившимся за укрытием и ведущим огонь из пулемета (пушка, по-видимому, была выведена из строя). Советский воин дерзнул его уничтожить, но пулей броню не пробьешь. Храбрец прокрался по канаве с тыла, быстро вскарабкался на танк и ударами саперного топора вывел из строя пулемет... Огонь прекратился. В это время в атаку поднялось все подразделение и отбросило вражескую пехоту. Затем он подорвал еще один танк противотанковой гранатой.

Немцы не знали и не могли знать, что генералы еще победоносно наступавшей на Москву, Ленинград и Киев германской армии через пятнадцать лет назовут этот июль сорок первого года месяцем обманутых ожиданий, успехов, не ставших победой...

На соседнем участке действовал 92-й танковый полк под командованием майора Николая Григорьевича Косогорского. Только за один бой он уничтожил в районе д. Сумбр 19 вражеских танков и до 200 солдат и офицеров».

А 8-я танковая дивизия генерал-майора Эриха Бранденбергера и другие части 56-го моторизованного корпуса генерала Эриха фон Манштейна и вовсе попали в окружение под Сольцами Новгородской области — в результате внезапного контрудара, который 14 июля нанесла 11-я армия генерал-лейтенанта Василия Морозова. «Нельзя сказать, что положение корпуса в этот момент было весьма завидным. <...> Последующие несколько дней были критическими, и противник всеми силами старался сохранить кольцо окружения. <...> 3-й моторизованной дивизии удалось оторваться от противника, только отбив 17 атак», — сдержанно описывал эти дни в мемуарах сам Манштейн. Именно тогда впервые в войне против СССР гитлеровцам пришлось организовывать снабжение окруженных подразделений по воздуху. От полного разгрома корпус Манштейна спасли дивизия СС «Мертвая голова» и две пехотные дивизии 16-й полевой армии. Понесшую серьезные потери танковую дивизию отправили в тыл. 56-й корпус приостановил наступление на Ленинград.

«Навсегда становились солдатами»

Немецкий генерал и военный историк Курт фон Типпельскирх в своей «Истории Второй мировой войны» признал: «Русские держались с неожиданной твердостью и упорством, даже когда их обходили и окружали. Этим они выигрывали время и стягивали для контрударов из глубины страны все новые резервы, которые к тому же были сильнее, чем это предполагалось. Противник показал совершенно невероятную способность к сопротивлению».

Оказавшиеся в экстремальной ситуации красноармейцы вели себя по-разному. Были те, кто срывал знаки отличия и бросал оружие. Константин Рокоссовский, командовавший в начале войны 9-м механизированным кор-

пусом, посетовав на то, что многие бойцы и командиры из окружения «выходили с голыми руками», заметил: «В тяжелых боях мы нашли необычный источник пополнения: в лесах близ Клевани бродило тогда много людей — и отдельные бойцы, и группы, оказавшиеся оторванными от своих частей; мы их собирали и направляли <...> в наши пехотные полки. В большинстве это были неплохие люди, но растерявшиеся в тяжелой и непривычной обстановке. Огромной силы внезапный удар, стремительное продвижение врага в глубь нашей территории ошеломили многих. Нелегко было избавиться от этого шока.

Вид организованного и борющегося боевого коллектива отрезвлял их, и они снова — и, думаю, навсегда — становились солдатами. Эти люди в ближайших боях хорошо себя показали».

В романе Константина Симонова «Живые и мертвые» есть строки, посвященные героям лета 1941 г.: «Он [генерал Серпилин — О. Н.] был полон решимости довести всех этих поднимавшихся от сна с оружием в руках людей туда, куда он должен был их довести, — до своих! Ни о чем другом он не думал и не желал думать, ибо ничто другое его не устраивало.

Он не знал и не мог еще знать в ту ночь полной цены всего уже совершенного людьми его полка. И, подобно ему и его подчиненным, полной цены своих дел еще не знали тысячи других людей, в тысячах других мест сражавшихся насмерть с незапланированным немцами упорством.

Они не знали и не могли знать, что генералы еще победоносно наступавшей на Москву, Ленинград и Киев германской армии через пятнадцать лет назовут этот июль сорок первого года месяцем обманутых ожиданий, успехов, не ставших победой.

Они не могли предвидеть этих будущих горьких признаний врага, но почти каждый из них тогда, в июле, приложил руку к тому, чтобы все это именно так и случилось».

И мы не должны забывать о подвиге Красной армии в первые месяцы и даже недели войны. О тех, кто погиб задолго до Победы, но отдал для нее все. **НО**

ПАРАД ПОБЕДЫ

*Пробежала трава по опушке.
Над рейхстагом развеялся дым,
И запели царевны-лягушки
По прудам и болотам родным.
Поднимались хлеба и бурьяны,
И катилась к востоку война,
Присыпала кровавые раны
Белым цветом черемух страна.
Лишь в июне по воле кремлевской,
Лишь когда расцвели васильки,
На горячем коне Рокоссовский
Объезжал фронтовые полки.
Сапоги, плащ-палатки и каски -
Прост и грозен военный наряд.
Мелкий дождик, неяркие краски,
Над сердцами мерцанье наград.
Все готовы по залпу орудий
По брусчатке впечатывать шаг.
И крутые, железные люди
На гранитный взошли саркофаг.
Первым тот, на которого ропщем,
И доселе, поверьте, живой,
Невысокий, рябой, и всеобщий,
И сегодня у каждого свой.
Иностранцы глядели с опаской,
Как в мундире, как будто в броне,
Выезжал из-под звонницы Спасской
Красный Маршал на белом коне.
И пошли они твердо и резко —
У знамен боевые клинки —
Сталинграда, и Крыма, и Бреста,
И балтийских кампаний полки.
И в разрывах салютного дыма,
Что над площадью вился роясь,
Непреклонно, как глас Серафима,
Барабанная дробь раздалась.
И по знаку командной десницы
Вдруг сомкнула Москва берега.
И упали, как мертвые птицы,
Боевые знамена врага.
А полки уж почти бестелесны,
Растекаясь на два рукава,
Шли по спуску, где Чудом Небесным
Открывался им храм Покрова.*

Владимир Костров